

Г. М. БИРЖЕНЮК,

заведующий кафедрой социально-культурных технологий СПбГУП,
доктор культурологии, профессор

Д. С. ЛИХАЧЕВ КАК ПРОСВЕТИТЕЛЬ

Наследие такого великого деятеля науки и культуры, каким был Д. С. Лихачев, привлекает и будет привлекать внимание исследователей еще долгие годы. Понятно, что степень осмысления его многогранной деятельности неодинакова по отношению к ее конкретным направлениям и сферам. В полной мере это относится к его просветительской деятельности...

Большинство из нас было свидетелями и участниками той большой просветительской работы, которую Д. С. Лихачев вел практически всю свою жизнь. Это всем памятные вечера в концертной студии Останкино, это его замечательные научно-популярные книги, это его деятельность во главе Фонда культуры и в рамках ряда культурных программ. Впоследствии сюда вошли и выступления перед студентами и педагогами СПбГУП.

Однако, как представляется, наряду с фактами просветительской деятельности Д. С. Лихачев значительный интерес представляет ее осмысление как явления культуры соответствующей эпохи. Это дает возможность воспринять просвещение в конкретном контексте, увидеть истоки и корни этого явления, обрести целостный взгляд на его объективные результаты.

Думается, что Дмитрий Сергеевич являл собой особую эпоху. Можно ли и корректно ли применять это понятие для характеристики не очень длительного по историческим меркам периода?

Думается, что можно. Во-первых, категория «эпоха» применяется не только для обозначения неких хронологических рамок, прежде всего для характеристики той или

иной культурной целостности, обладающей качественной определенностью и отличающейся от сопредельных эпох.

Во-вторых, по временным параметрам применение категории «эпоха» имеет тенденцию к сокращению своего собственно хронологического содержания, что имеет объективную основу в виде растущей динамичности исторического процесса. Если сравнить такие эпохи, как палеолит, неолит, средневековье, эпоха Просвещения, то нетрудно заметить, что каждая последующая эпоха становится короче по времени, но насыщеннее по событиям. XX век в этом отношении особенно показателен — две мировые войны, распад империй, в том числе СССР, атомные катастрофы и т. д.

Таким образом, у нас есть определенные предпосылки, точнее, отсутствие принципиальных препятствий для того, чтобы осмыслить деятельность Лихачева как определенную эпоху.

Какую же эпоху олицетворял, воплощал, а возможно, и создал Дмитрий Сергеевич? Рискну высказать предположение, что это была эпоха Просвещения в России XX века.

Что дает основания для такой гипотезы?

Известно, что эпоха Просвещения наступила вслед за Средневековьем. Возможно ли наступление эпохи Просвещения в XX веке? Думается, что возможно, и для такого вывода есть определенные основания.

Прежде всего отметим, что Просвещение носило не однозначно хронологический, а *стадиальный* характер. Это значит, что многие страны пережили, но в разное время, эпохи, аналогичные западноевропейскому

Просвещению XVIII в. Просвещение имело место там и тогда, где и когда наблюдался переход от Средневековья к Новому времени.

Значит ли это, что эпоха Просвещения бывает лишь единожды в истории? Скорее всего, не значит. Думается, Просвещение бывает столько раз, сколько раз бывает Средневековье. А оно, бывает, возвращается. Пастернак писал: «имеет каждый век свое средневековье...», и для такого вывода у него были все основания. Эта эпоха затронула судьбы поколений, и Дмитрий Сергеевич ее не избежал...

А следом наступила иная стадия Средневековья — не было массовых расстрелов и лагерей, но были феодалы в ранге первых секретарей обкомов, был полный контроль над информацией, отсутствовала свобода передвижения, свобода совести и т. д. Сказанное отнюдь не означает, что эпоха по мрачности была равна тому самому Средневековью, но по ряду параметров с его характеристиками совпадала. Таким образом, в принципиальном плане нет оснований с порога отвергать мысль, что Просвещение может стать определенной философией и идеологией в эру атомных электростанций и полетов в космос.

Логика научного анализа всегда побуждает к поиску историко-системных аналогий. И тут неизбежно возникает искушение сравнить рассматриваемое явление, которое можно условно назвать «Эпохой Просвещения XX века» или «Эпохой Лихачева», с эпохой европейского Просвещения.

По ряду параметров можно зафиксировать существенную степень сходства.

Во-первых, для просветительской доктрины, мировоззрения и философии просветителей характерен *примат ценностного над познавательным*. Еще предшественник Просвещения ренессансный гуманист Петрарка руководствовался максимой: «Лучше хотеть добра, чем знать истину», согласно которой знания должны быть не просто связаны с моралью, но подчинены ей. Аналогично делали просветители. У Вольтера есть тезис: «Добродетель ценнее знаний». Известно, что Дмитрий Сергеевич во всех своих поступках всегда руководствовался именно этой максимой.

Во-вторых, *характерной чертой* французских просветителей-классиков был их энциклопедизм. Недаром символом деятельности французских просветителей стала знаменитая «Энциклопедия» Дидро и Д'Аламбера, носившая подзаголовок «Толковый словарь наук, искусств и ремесел». Если обратиться к работам Лихачева разных лет, то нельзя не поразиться той широте воззрений, которую он демонстрирует в своих работах, легкости, с которой он входит в сопредельные области знания.

Наконец, просветительские взгляды Дмитрия Сергеевича роднит с традициями Европейского Просвещения представление о культуре как самостоятельной сфере духовной деятельности, имеющей огромное значение для общества. Европейские мыслители (А. Вольтер, Дж. Вико, Ш. Л. Монтескье, И. В. Гете, И. Г. Гердер, В. Гумбольдт, Ф. Шиллер) рассматривали культуру как духовное богатство общества и внутреннее достояние человека, основанное на его постоянном стремлении к истине, добру и красоте. Через культуру человек преодолевает природную ограниченность и однократность своего существования, осознает свое единство с природой, обществом, другими людьми, с прошлым и будущим. И можно сказать, что Лихачев существенно расширил и обогатил этот подход, сформулировав известное положение о том, что вне культуры настоящее и будущее народов, этносов и государств лишается смысла.

Но здесь, если отвлечься от некоторых частности, сходство кончается, и дальнейший бинарный анализ этих двух феноменов — Европейского Просвещения и Эпохи Лихачева — начинает высвечивать их существенные различия.

Анализ этих различий дает нам определенный ключ к пониманию не только природы и сущности просветительской доктрины Д. С. Лихачева, но и кризиса русского просвещения второй половины XIX века. Об этом кризисе упоминают редко, но много написано и сказано о кризисе народничества. Знал ли об этом кризисе Г. В. Плеханов, много сделавший для идейного разгрома народничества? Думается, знал. Но вопросы политической борьбы, политической конъюнктуры побуждали его направить острие критики не столько на Просвещение, сколько на выразителей его идей — народников.

Чуть подробнее об этом.

Расцвет русского просветительства падает на 60-е годы XIX в. (Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, Д. И. Писарев и их единомышленники). Мировоззрение шестидесятников XIX в. — наиболее зрелые, классические формы Просвещения в России. При этом они осознавали, что русское Просвещение отражало не только внутренние противоречия российского общества, но и противоречия между самосознанием русского общества и практикой общественной жизни более развитых западноевропейских стран, в которых в эти десятилетия существовали уже достаточно зрелые формы постпросветительского типа, в первую очередь разные течения уже определившейся буржуазной, а также антибуржуазной социалистической мысли.

Как представляется, эта специфика русского Просвещения 1840–1860-х годов предопределяет также особенности его кризиса в пореформенные десятилетия.

Кризис русского Просвещения 1860-х годов — в значительной степени аналог того кризиса, который пережило французское Просвещение под влиянием революций конца XVIII в. Только кризис русского Просвещения не был во всем повторением кризиса французского Просвещения, прежде всего в силу *специфических* отличий русского Просвещения от классической модели.

В силу «нечистоты» русского Просвещения, наложения на его теорию, мировоззрение, идеологию идей постпросветительского типа близкий кризис русского Просвещения был не только предопределен, но в определенном смысле элементы этого кризиса стали проявляться в русской просветительской мысли еще на восходящем витке ее развития.

Первые симптомы кризиса только что оформившееся русское Просвещение испытало в ходе революции 1848 г. Носителем симптомов этого кризиса стал А. И. Герцен. К 1848 году А. И. Герцен был уже типологически настоящим русским просветителем. Преодолев изначальную двойственность своих устремлений к «дневному свету разума» или к «лунному свету мистического откровения», т. е. борьбу рационалистически-просветительского и религиозно-романтического начал, Герцен переходит в конце 1830-х годов на «западнические», а точнее, на просветительские позиции. Типично просветительский лозунг: «Да здравствует разум!» — чисто просветительская установка на то, чтобы все понять, осмыслить «через горнило сознания» — стал его главным лозунгом. Особенно отчетливо просветительство проявилось в трактовках Герценом проблемы великого единства развития рода человеческого, проблемы Восток — Азия — Запад, Европа — Россия, проблемы личности как вершины исторического мира и проблемы разумного эгоизма. В эти годы Герцен активно использует типично просветительскую терминологию: «естественное» — «неестественное», «искусственное» и т. д.

После 1848 г. ситуация существенно изменилась. В том, что называют «духовной драмой» Герцена, усматриваются отчетливые черты кризиса прежней просветительской доктрины Герцена 1840-х годов.

Кризис просветительства Герцена проявился в первую очередь в отходе от просветительской идеи примата политического (от «политического катехизиса» и «алгебры прав человека») над социальным и появлению склонности к идее примата социального, а также в сомнениях во всемогуществе разума.

Можно сказать так: то, что появилось у Герцена преднароднического — это результат кризиса его просветительской позиции.

Но симптомы кризиса, которые проявились у Герцена в эмиграции, не переросли в кризис всего русского Просвещения. К 1860-м годам оно, наоборот, достигло пика своего развития. Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, Д. И. Писарев — это просветители, вполне сопоставимые по принципам их учений с типичными западноевропейскими просветителями-классиками, разумеется, с поправками на российскую специфику.

Кризис классического Французского Просвещения XVIII в. проявился прежде всего в наступившем разочаровании в разуме, его способности постичь и перестроить действительность. На рубеже 1860–70-х годов аналогичный процесс наблюдался и в России. И здесь наступил кризис просветительского культа разума.

Во-первых, просветителям всегда был присущ безграничный рационализм. Кант, в частности, считал, что «Просвещение заключается в максиме самосохранения разума», и девиз Просвещения усматривал в лозунге: «...Имей мужество пользоваться собственным умом!»

Со временем дело дошло до того, что предлагалось заменить понятие «эпоха Просвещения» термином «эпоха рационализма»...

Во-вторых, антисредневековый, антифеодалный характер мировоззрения просветителей проявился в их свободомыслии, антиклерикализме и антитеологизме. Наиболее последовательные, радикальные просветители доводили свое свободомыслие, антиклерикализм и антитеологизм до атеизма...

В-третьих, Просвещение антропоцентрично, а учение о человеке — центральная часть его доктрины, в том числе философии. *Антропоцентризм* — исходная и главная аксиологическая установка просветительского мировоззрения. На человека выходят, на нем в конечном счете замыкаются не только политические, правовые, социальные, но и самые отвлеченные онтологические, натурфилософские и гносеологические принципы. Перенос центра тяжести философии с проблем бога, космоса, природы, субстанции на человека — вот в чем проявился антропоцентризм просветительской философии.

Но все-таки учение, в котором хозяином своей судьбы, кузнецом своего счастья выступает существо, мало отличающееся от кролика, от червяка, от насекомого, не могло со временем не продемонстрировать своей ограниченности, своей неадекватности. Поэтому со временем просветительская антропология не могла не впасть в кризис.

В чем же суть просветительской парадигмы Д. С. Лихачева, ее отличие от классического европейского и русского Просвещения?

Вначале одно небольшое замечание. Культура и технология современного гуманитарного исследования предполагают наряду с работой в библиотеках и архивах обращение к так называемым распределенным информационным ресурсам, носителем которых является всемирная сеть. Пользуясь одной из поисковых машин, автор доклада набрал запрос в форме «просвещение», и ответ сети был удивительно скуден. В основном это были ссылки на Министерство просвещения. А вот запрос в форме «просветители» вывел на более чем полторы тысячи ссылок. Практически все они касались русских православных святых. Трудно судить, были ли все просветители святыми, но, судя по некоторым данным, все святые были просветителями. Это дает еще один ориентир для анализа просветительской деятельности Дмитрия Сергеевича.

Ее характерная черта — в продолжении традиций собственно российского просветительства, которое изначально рассматривало этот термин не как аналог воспитания или развития, а в принципиально ином смысле. Этимологически «воспитание» восходит к слову «питание», т. е. кормление (и так оно звучит в ряде европейских языков), а значит — наполнение человека знаниями, умениями и т. п., «развитие» означает раскручивание, распрямление тех сил и способностей, что уже есть в человеке. Просвещение — это еще одна грань. Ее очень хорошо выразил Н. В. Гоголь в «Выбранных местах из переписки с друзьями», где он пишет, что воспитать — это высветить в человеке самое главное, сущностное. Именно так можно воспринимать все, что делал Д. С. Лихачев. Особенно это касается его книг и статей, обращенных к молодежи и детям — «Земля родная» (книга для учащихся), «Заметки о русском», «Письма о добром и прекрасном», «Раздумья».

Знание в творчестве Дмитрия Сергеевича всегда двуедино. Оно выступает и как результат поиска абсолютной истины, и как ресурс просветительства. Именно это объединяет два во многом противоположных вида деятельности — научную и просветительскую...

Его работы о «Повести временных лет», митрополите Иларионе, Владимире Мономахе, «Молении» Даниила Заточника, «Слове о полку Игореве» и многие другие — это, с одной стороны, результат серьезного научного поиска и осмысления фактов, с другой — они совершили своеобразную революцию в умах. Произведения, созданные сотни лет назад, говорили на языке, понятном миллионам, и

тем самым открыли неведомые многим прежде глубины.

Он принципиально отвергал чистый рационализм, который, как мы уже отмечали, был стержнем философии Просвещения. Во время одной дискуссии он заметил, что марксизм — это самое пессимистическое учение, потому что считает, что материя первична, а дух — вторичен. И добавил, что на самом деле дух первичен, а материя — вторична.

Каковы же результаты этой просветительской деятельности Д. С. Лихачева?

Надежных и объективных критериев нет, но обращают на себя внимание некоторые явления. В частности:

— он вернул доверие к слову, которое было основательно подорвано в течение многих десятилетий так называемыми учеными-обществоведами, газетами, пропагандистами, в том числе лекторами по распространению знаний — худшей пародией на просветителей;

— он превратил просветительство в реальную силу, обладающую воздействием на умы и даже на те или иные области жизни. В 1942 году он вместе с искусствоведом М. А. Тихоновой написал брошюру «Защита древнерусских городов», которую спустя несколько дней бойцы читали в окопах и черпали в ней как конкретные сведения, так и моральные силы;

— он являет собой образец просветителя-заступника. Он защищал Екатерининский парк, Петергофский парк, Невский проспект, малые города, библиотеки, малые народы;

— он предвосхитил многие явления, которые составили рассматриваемую нами Эпоху Просвещения. Это и неповторимые вечера В. Лакшина, время «Нового мира», передачи «Очевидное-невероятное» С. П. Капицы и многое другое. Все это формировало исподволь новое состояние сознания населения, которое проникалось великими идеями и примерами прошлого и начинало ощущать себя народом. Как говорил один политик эпохи Лихачева, «процесс пошел», и в XXI век мы вступили во многом иными еще и потому, что нам посчастливилось жить в ту замечательную эпоху;

— он утвердил в общественном сознании представление о гуманитарной науке как новой и непреходящей ценности в жизни общества;

— трудно переоценить все, что сделано им для культуры. Это, прежде всего, Декларация прав культуры, которая, кстати, отражает скрытую полемику Лихачева с ценностями европейского просвещения и его наследницы — либеральной идеи. Если ее высшим достижением стала «Декларация прав человека», утверждающая примат части над целым, то Дмит-

рий Сергеевич стал вдохновителем и автором «Декларации прав культуры», каждой строчкой утверждающей приоритет целого — культуры — над частью — человеком;

— особое место в его просветительской деятельности занимает все, что связано со школой. Он с болью наблюдал процессы, происходящие в школе — уменьшение часов на литературу, на гуманитарные дисциплины, многократно подчеркивал, что гимназия начала века давала более основательное образование. Не случайно он принял участие в разработке культуросцентристской концепции образования и воспитания, принятой в нашем Университете. Думается, что современная школа еще не восприняла до конца идеи Дмитрия Сергеевича Лихачева...

Непрерывной и неотложной задачей школы становится возрождение гуманитарного образования и прежде всего *дисциплин эстетического цикла как базиса школьной системы* в обеспечении общего культурного развития личности.

Мы и сегодня далеко не во всех сферах настолько продвинулись, чтобы считать, что все идеи Просвещения применительно к нашим условиям уже вполне устарели. Поскольку и сейчас, скажем, реставрируется как религиозная метафизика, так и метафизика классического типа и еще более отсталых типов, вплоть до средневековых, остаются нерешенными до конца некоторые задачи эпохи Просвещения, остается объективная почва для функционирования идей просветительского типа. Многие из просветительских идей еще сослужат добрую службу делу прогресса общечеловеческой культуры и цивилизации и у нас в стране. Их развитие и реализация на практике — величайшая заслуга Дмитрия Сергеевича и его урок всем нам.

Известно, что история — это смена эпох. За эпохой Лихачева наступает иная эпоха. Какая? Историки знают, какая эпоха следует за эпохой Просвещения. Остальные либо предчувствуют, либо надеются. Но это уже тема иного доклада...